

Алимов О.Д.

Мои сверстники – это школьники 30-х годов, солдаты Великой Отечественной, студенты 40–50-х, инженеры и ученые, создававшие новые технологии и достижения многого в науке послевоенных лет, пришедшие к годам перестройки с сединой в волосах. Судьба каждого из них часто несла на себе отпечаток истории семьи. Думаю, что история моего рода во многом типична и для моих ровесников.

Сегодня, 17 сентября, мой день рождения. В утренней полудремоте увидел своего отца. Видел его в каком-то сравнении с сегодняшним днем или, скорей, в общении со мной, в каком-то странном возрастном сопоставлении. Мне уже почти восемьдесят. Я еще не чувствую себя стариком, но я отец, дед и даже прадед. А моему отцу на момент гибели был всего сорок один год. Таким и только таким он остается в моей памяти. Он смотрит с фотографий и со снимка моей памяти как равный моим дочерям и зятьям. Им ведь тоже уже за сорок.

Как отец и дед я постоянно думаю о судьбах своих детей и внуков. И ловлю себя на мысли, что воспоминания об отце смешиваются с восприятием судеб моих младших родственников. Да и жизнь моих сестер, Ольги и Вероники, и моей жены Азы во многом перекликается с судьбой моей мамы.

В этом происходит какое-то возрастное ранжирование судеб людей, родственников разных поколений. И это ранжирование и сравнение судеб и поступков людей, видимо, является естественным. Как логический метод в размышлениях о судьбах близких, в поисках некоторых закономерностей, оказывающихся общими связями, характерными для людей, живущих в различные времена, но связанных общей родословной.

Видимо, некоторые наследственные особенности часто проявляются в роду в почти одинаковой форме в сходных жизненных ситуациях в совершенно разные периоды. Возможно, знание этих особенностей может позволить прогнозировать и события, и поведение в таких обстоятельствах нас и наших потомков в будущем.

Хорошо известно, что в истории человечества многое повторяется. Так же повторяется, на мой взгляд, и история рода. Это выражается не только во внешнем сходстве родственников разных поколений, но и в близости их характеров, особенностей взаимоотношений с людьми и с природой. Я, мой брат Игорь и мои сестры повторили в своей жизни многое из того, что случалось с нашими родителями. Много общего и в положительных результатах деятельности, но немало и невзгод, схожих по сути и последствиям.

Правда, когда подвергались каким-то опасностям в жизни, мы, уже наученные горьким опытом предков, могли продумать свое поведение заранее. Нередко нам удавалось таким образом избежать опасных ударов судьбы, событий, в которых наши предки получали подчас смертельные раны. Поэтому для того, чтобы хоть немного воспользоваться этим «лекарством» предвидения опасностей, нужно знать зигзаги судьбы людей своего рода. Для этого был бы полезен анализ жизненных путей предков, зафиксированных письменно. Однако в России это всегда было возможно лишь для ограниченного круга, людей состоятельных и образованных. Пример тому – серьезное внимание к своей родословной старого дворянства.

Простой народ и в хорошие времена хранил память о предках лишь в устном виде, немногие годы. Пора гражданских войн и годы репрессий вытравила в памяти живущих даже этот источник истории семьи.

Вот и я очень мало знаю о своих дедах, даже об отце, не говоря уж о прадедах. Особенности характера и поступков моего деда по отцу, видимо, были связаны с простонародным деревенским его происхождением. У моих родителей о деде Косте Алимове (отчества его, к сожалению, я не знаю) остались воспоминания, как об умелом крестьянине и талантливом сапожнике, деревенском здоровяке, мастере кулачных боев. Жил он в деревне Чернявино, что под городом Вольском на Волге. В зимнюю пору дед Костя тачал хорошие сапоги. Весной по большой реке на пароходе со своей сапожной продукцией он добирался до ярмарки в Нижний Новгород, успешно продавал всю обувь, а затем пропивал все заработанное. Нередко дед возвращался из Новгорода в деревню в одних кальсонах. Правда, остался в памяти у отца и дяди Шуры случай, когда дед Костя приехал с ярмарки в кальсонах, но со скрипкой! Скрипка в ту пору в деревне Чернявино была новинкой. Этот случай дал повод для увлечения моего отца и дяди игрой на скрипке, а также на балалайке.

На единственной фотографии в нашем домашнем альбоме дед Костя и бабушка Ксения выглядят почти как преуспевающие буржуи. Наверное, это фото было сделано на одной из ярмарок в Нижнем Новгороде. Судя по фотографии, даже сапожники приезжали весьма прилично одетыми и стремились показать себя с самой лучшей стороны. Это отличает их от современных завсегдатаев наших городских базаров. Современных базаров на грязных, плохо оборудованных площадях, где зачастую ни продавцы, ни покупатели не претендуют даже на чистоту и красоту в одежде, да и в обращении друг с другом. В то время на ярмарках были и довольно приличные трактиры, где мастерской мог и «расслабиться», как сейчас говорят. И дед гулял и пил! А его жена, бабушка Еля, старалась его унять, но часто безуспешно.

Когда дед Костя возвращался домой из Нижнего Новгорода, он принимался за крестьянскую работу. Дошел до нас рассказ о случае, который характеризует деда как крестьянина. В большую засуху в Поволжье земельный участок деда, где был посажен подсолнечник, покрылся плотной коркой засохшей земли. Соседи горевали, готовились пересевать. Дед же взял и глубоко переборонил свое поле. Казалось, что урожай загублен. Однако подсолнечник возродился необычным, многоголовым, и весьма урожайным.

Когда проводились кулачные бои, в зимнее время, дед включался в драку не сразу, а в финале, по зову жителей. Так что дед Костя был в то время чем-то вроде современного «авторитета». Дед умер, отравившись лекарством, которое ему дал фельдшер, лечивший его от запоя.

Думаю, что увлеченность своим делом, стремление довести его до совершенства, передалось от деда моим родителям, а затем мне и моим потомкам. И это главное, самое полезное.

А второе, весьма настораживающее, – это тяга к алкоголю. Эта слабость проявляется в особенно тяжелые, последние годы жизни человека. В жизни моего отца это не успело проявиться, его уничтожили раньше. Однако склонность быстрее покончить с неприятными делами сказалась и на его судьбе.

По мнению сотрудника КГБ, пролиставшего расстрельное дело моего отца, и подсудимый, и следователь, некий Овсянников, торопились как можно быстрее закончить дело. Уже через две недели после ареста следствие было завершено, отец был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. В папке всего два коротких протокола и, естественно подпись отца на серой бумаге. Следователь быстро закрыл

очередное групповое дело, в котором кроме отца к смерти были приговорены еще пять или шесть человек – «за контрреволюционную деятельность».

Такие примеры стремления покончить с неприятностями побыстрее, даже в моменты грязной клеветы и опалы, не следует повторять. В этих случаях разум должен корректировать присущие нам способы реагирования. Необходимо вырабатывать в себе способность бороться за правду, бороться упорно и иногда долго!

А какое же «наследство» оставила нам бабушка Ксения? Я помню её лишь по маленькому событию, когда мы ночевали у неё в доме в Вольске. Как мне помнится, спали мы в полуподвальном помещении ее дома. В ту ночь она занемогла. Вскоре она умерла от рака желудка. Умирала спокойно, если так можно сказать о смерти сильных людей. Помню похороны ее из старообрядческой церкви зимой 1929–1930. Было холодно и дядя Шура, брат моего отца, согрел мои руки, надев на них свои шерстяные перчатки. Это я помню отчетливо и сейчас, будто бы ощущаю тепло мягкой шерсти. Больше из того скорбного дня память не сохранила ничего.

По более поздним рассказам моей тети Шуры, бабушка Ксения после смерти деда Кости решила дать детям образование. Она перебралась в город, купила там дом, который стала сдавать учащимся. Этим и зарабатывала на жизнь и учебу сыновей. Видимо дом был с полуподвальным помещением, где и жила баба Ксения. Верх дома сдавался как пансион. Отец и дядя Шура после окончания училища были увлечены революционной жизнью, которая унесла их в Петербург, Самару, в Москву, а потом и в Сибирь. А баба Ксения осталась в полуподвале своего домика. Видимо, до конца жизни она была труженицей, экономной хозяйкой и в некоторой степени предпринимательницей. Ей удалось до революции держать пансион и зарабатывать этим на жизнь. Так что способности к мелкому (в хорошем смысле этого слова) предпринимательству тоже у нас в генах. Видимо, в силу своего крестьянского происхождения бабушка Ксения не особенно часто бывала у моих дедушки и бабушки со стороны мамы, в связи с их «барским», а правильное сказать, интеллигентским налетом.

Мой дед со стороны мамы, Федор Бусыгин, был сельским учителем. Какое учебное заведение он окончил, я не знаю, но в деревне Чернявино учителя Бусыгина уважали и через какое-то время предложили стать управляющим имения графа Уварова. Сам граф, министр образования России, в свое имение приезжал редко, но денежные средства от хозяйства поступали для лучшего существования графа в Петербурге. Были созданы и некоторые условия для жизни в деревне. Вот к некоторым графским привилегиям семья Федора Бусыгина и могла «прикоснуться». На одной фотографии запечатлены моя мама с сестрами на прогулке: восседают они на конной повозке графа.

Мне не известно как дед, управляющий графа Уварова, перенес гражданскую войну. Я помню его в 1928–1929 гг. – молчаливым, старым и очень деликатным человеком. У него было несколько детей от двух жен. Первая жена его рано умерла, а вторая смогла стать заботливой матерью для всей семьи.

Думаю, что дед Федор, высококультурный и умный человек, был весьма травмирован революцией и всем тем, чему он был свидетелем после. Он не смог выйти из депрессии до конца жизни. Дед оставался осторожным человеком и жил в своем доме в Вольске очень уединенно, редко выходил из своей комнаты. Видимо, угнетала его и судьба других родственников. С фотографии из семейного альбома на нас смотрят два молодых человека, родственники моей мамы, племянники деда Федора. Мама была очень дружна с ними, оба были милыми молодыми людьми,

сыновьями интеллигентных родителей. Но судьба их оказалась в руках революции. Один из них, старший, стал офицером царской армии во время войны, а во время революции отличался в белой армии.

Младший же стал талантливым красным командиром, был готов скрестить оружие со старшим братом, белым офицером, на принципиальных основах. После войны у него была возможность с отличием окончить институт красной профессуры и стать одним из видных политических руководителей Президиума Академии наук. Было это в Ленинграде. Там и закончилась жизнь красного командира Бусыгина. Его обвинили в связях с партийной оппозицией и расстреляли. Расстреляли и его супругу. Двоих его детей спасли соседи, передав их неизвестно кому.

Вот так и окончились жизни двоих милых двоюродных братьев мамы. Один оказался в эмиграции за рубежом. Второй был убит своими соратниками. Но оба Бусыгиных были, видимо, способными и одержимыми. Деда Федора не могла не угнетать эта история.

Таким образом, если смотреть на моих дедов – два умных человека, противоположных по характерам. Активный забулдыга дед Костя и мягкий, задумчивый, осторожный и легко ранимый дед Федор.

Моя мама многое получила от деда Федора «в наследство» и была воспитана как дочь сельского учителя. Такое наследие было приумножено и заботами мачехи. Мария Федоровна была умной и душевной. Она вела хозяйство большой многодетной семьи и, видимо, очень оберегала деда, который, будучи в глубокой депрессии, был ей тоже вроде одного из сыновей.

Судьбы дочерей деда Федора и бабушки Марии Федоровны сложились по-разному. Соня, моя мама, пожалуй, в жизни оказалась наиболее активной и разносторонне развитой. Была лучшей ученицей курса в гимназии г. Вольска. Для нас сохранился аттестат мамы после окончания курса гимназии.

Мама пользовалась в молодости вниманием многих интересных людей, в том числе революционера Куйбышева и писателя Панферова. Но предпочла им отца и поделила с ним его тяжелую участь.

В годы Гражданской войны мама жила с отцом в революционной Самаре и свою первую дочь, Ольгу, родила, когда пароход вез её из Самары в Вольск. Роды принимал экипаж парохода. Это было в мае 1919 года. В 1921 году мама уже опять с отцом во всех переплетениях Гражданской войны в Омске, а затем и в Новониколаевске.

В Новосибирске они с отцом прожили несколько счастливых творческих лет, родили четверых детей. И отец, и мама оказались в Новониколаевске в интересной творческой обстановке, которая способствовала и их общественной деятельности.

В Новосибирске отец был организатором СибРоста, газеты «Советская Сибирь» и журнала «Сибирские огни», создал первую радиостанцию в Новосибирске. На одной фотографии отец запечатлен в момент подъема радиомачты станции. На второй фотографии я слушаю радио в наушниках от одного из первых в Новосибирске детекторных приемников. Жили мы среди простых людей нового тогда города Новосибирска, небогато, на первом этаже деревянного двухэтажного дома № 6 по улице Революции. Название этой улицы для моих родителей было символичным.

Нашу семью окружало много интересных людей: писатели Лидия Сейфулина и Кондрат Урманов, поэт Зазубрин и другие.

Много позже сибирский писатель Кондрат Урманов тепло вспоминал совместную творческую деятельность моего отца Д.М. Алимова и знаменитого

Емельяна Ярославского, породившую известную сибирскую газету «Советская Сибирь», а затем и журнал «Сибирские огни», первый номер которого вышел в феврале 1922 года. Как отмечает К. Урманов, первые редакции возникали и работали в нашей небольшой квартирке, а моя мама нередко потчевала молодых писателей морковным чайком (журнал «Сибирские огни», №3 1967 г., «Встреча с прошлым»).

О деятельности отца сохранилось немного информации, тем более ценно для меня благодарственное письмо его коллег, написанное тогда, когда ему пришлось покинуть редакцию газеты «Советская Сибирь» (см. фотокопию).

В 1927–28 годах родители снова в разлуке – отец арестован и выслан в Соловки.

В немногих письмах из Соловков отец старался сохранить оптимизм, он и там жил среди интересных людей и даже мог творить: создал радиостанцию и был ее оператором. Какой-то заключенный изобразил его за приемом радиопередач.

Мама с нами тремя, со старшей сестрой Ольгой, мной и Игорем (две дочери умерли в Новосибирске), едет поездом к родителям на Волгу. Поезда тогда были полутоварные, называли их почему-то «Максим Горький». Продвигались они по России медленно. Из детства запомнилось беспокойство мамы, чтобы мы не свалились с жестких вагонных полок, ее заботы о том, чтобы запастись кипятком на вокзалах и не потерять нас на пересадках в Пензе и Аткарске. Я никогда больше не был в этих городах, но в моем сознании эти названия остались как что-то неудобное. Это оставили след пересадки на вокзалах этих городов с одного «Максима» на другой. Так мы добрались до одного из волжских городов, Вольска. Здесь нас приютили родители мамы.

Прожили мы в Вольске, а потом в Хвалынске, что тоже на Волге, недолго. Но в памяти запах Волги и какой-то характерный колорит Поволжья остался. Остались неясными, но приятными отношения жителей той области России и какая-то особая смесь нового и старого российского.

А через два года – вновь поезда и пересадки на вокзалах, едем обратно в Сибирь, в Нарым, в Каргасок к отцу, высланному туда в административную ссылку из Соловков.

И вновь, в далеком ссыльном Нарымском крае, мои родители счастливы. Мать, отец и мы, дети, вместе. Немаловажно, что оказались мы в страшном Нарымском крае среди интеллигентных творческих людей, высланных в те годы в село Каргасок со всего Союза. Запомнились мне многие интересные люди, бывавшие в нашем деревянном домишке. Наиболее яркое и теплое воспоминание осталось о здоровом и добром человеке с большими мягкими ладонями. Он был сыном знаменитого писателя, украинского помещика Коцубинского. Как и мой отец, он некоторое время был административно высланным в Каргасок. Мы знали, что до этого он являлся крупным деятелем, председателем Госплана Украины. Но в Каргаске он жил недолго. Вскоре его увезли обратно в Киев и там уничтожили – расстреляли как бывшего дворянина и потому врага народа. Уже после реабилитации, в пятидесятые годы стало известно, что этот человек, Андрей Коцубинский, был одним из наиболее талантливых красных командиров в годы Гражданской войны. О его боевых и высоких человеческих делах сейчас достаточно много написано и даже поставлен интересный кинофильм.

Тогда мы, дети, об этой части жизни Андрея Коцубинского и его родных не знали и принимали его, каким видели – добрым, высококультурным человеком.

Таких в Нарыме в ту пору было немало. И глядя на них, слушая их разговоры и наблюдая за их поступками, можно было многому научиться.

Жили мы в Каргаске сначала в деревянном однокомнатном доме одного из местных жителей. Наш угол, где было все: и спальня, и столовая – отделялся от общей комнаты хозяев дома невысокой деревянной перегородкой. Несколько позже наша семья получила отдельное помещение – полдома, маленькую комнату и еще меньшую кухоньку и чулан. В этом чулане хранились продукты, что выдавались как паек, но я не помню, чем мы питались и во что удавалось одеться. Из новинок, появившихся в моей одежде в первом классе, запомнились сапоги, вызывавшие зависть некоторых моих приятелей. Большинство моих друзей детства, детей спецпереселенцев, как и мы, детей административно ссыльных, ходили в самодельной обуви, в чирках – это что-то вроде чуней. Они были доступны по стоимости и мне казались очень удобными. Так что жили мы, испытывая нужду и в пище, и в одежде. Но должен заметить, что ни у моих родителей, ни у других так называемых административных ссыльных в Каргаске я не замечал какой-то депрессии и озлобленности на судьбу. Может быть, это было следствием того, что им, позже объявленным врагами народа, тогда было всего по 30–40 лет. Они думали, что все эти трудности временные. Как можно судить по нескольким фотографиям нашей семьи во дворе местного рыбака, мои родители чувствовали себя своими людьми в Нарымском крае, проклятом нашей советской историей. У административно-ссыльных тогда было несколько лучшее положение, чем у спецпереселенцев, и к ним могли приезжать жены и дети, которые оставались и после приезда в Нарым вольными.

Но срок административно-ссылным тоже не определялся, т.е. выслались все почти навечно. На всю жизнь! Конечно, это удручало взрослых, наших родителей.

Мы же, мальчишки и девчонки, и в нарымских условиях постигали жизнь и окружающее – все как есть. Как изначально созданное богом для нас. Что-то другое было нам недоступно, и мы свое бытие ни с чем не сравнивали. И в этом состояло наше счастье.

Мы смотрели на все будто только появившиеся на свет – с удивлением и радостью постигая все увиденное вокруг. И потому нам было легко, даже в условиях, в которых нашим родителям было невыносимо.

Нас окружала почти девственная, нетронутая человеком нарымская природа, с ее таежными лесами, болотами и речками, величественной Обью с ее прибрежными лугами. Тайга представляла перед нами такой, какой ее создала природа за многие века. Леса были почти непроходимыми от густой поросли деревьев, выросших здесь «в тесноте да не в обиде». В тайге Нарыма сибирская природа взрастила величественные монолитные кедрачи, могучие и очень богатые своей продукцией – кедровыми шишками. Орехами питались многие обитатели тайги, особенно много в кедрачах белок и бурундуков. Кедровые орехи были и нашим питанием, и единственным деликатесом.

Кедрачи росли на сравнительно высоких сухих местах, которые соседствовали с безбрежными болотами. На болотах деревья были уже не те и по виду, и по величине. Болота допускают к себе лишь жидкие сосенки и березки. Растут они на море мха, потому болота и называются моховыми. Вековые накопления уходят вниз, образуя многометровые залежи торфа. Бархатная поверхность моховых болот осенью покрывается краснотой болотных ягод – крупными бусинами клюквы и более мелкими брусники. Брусника предпочитает расти по краям болот, а в глубине господствует клюква. Кто и когда посеял ее на таких необъятных просторах?

Сибирские болота, и самые большие из них – васюганские, питают своими запасами воды многочисленные таежные реки. Вода в этих истоках болотная, коричневая от торфяного настоя. Текут эти реки неторопливо, петляя между лесными массивами. Постепенно вода в них становится прозрачной и чистой. Вливаются таежные реки в более крупные: Васюган, Чулым, Кеть – а они уже питают реку Обь, могучую своими просторами. Реки богаты рыбой. Рыба была пищей.

Вот эту-то природу мы, нарымская детвора, и осваивали своим ежедневным активным присутствием, как естественную, могучую и непостижимую, со всеми ее особенностями – как красоту и благодать божью, данную нам при рождении.

В первозданных условиях жили коренные обитатели этих земель – чалдоны – и еще более древние хозяева – остяки и тунгусы. Жили они неторопливо, довольные каждым новым днем. Природа удовлетворяла их потребности и летом, и зимой, а их нехитрые строения согревали даже в лютые сибирские морозы.

Когда ссыльных в Нарымском крае было немного, как было во времена ссылок сюда Сталина, Свердлова и других пламенных большевиков, ссыльные расселялись среди чалдонов, снимали углы в их хатах. Хозяева делились своими припасами, приобщали сосланных к способам промысла рыбы и зверя.

Видимо, здесь товарищ Сталин и его соратники закаляли свою волю и желание овладеть природой, а в дальнейшем – и народами. Конечно, условия их жизни в Нарыме были более благоприятными, нежели у тех, кто попал в Нарым уже по их воле в конце 20-х, начале 30-х годов и позже. Тогда уже в Нарым высылались десятки тысяч людей без каких-то средств к существованию или для благоустройства, их буквально вываливали с барж на необжитые берега таежных рек. Конечно, раскулаченные крестьяне-спецпереселенцы старались выжить и в таких условиях. Они использовали всю свою смекалку и мастерство. Но все равно целые семьи умирали от голода и холода. Оставшиеся семьи редели в первую очередь от тихой смерти голодных ребятишек.

Нарым был многие годы отрезан от мира не только трудностями сезонного транспорта, но и специальной системой охраны, почти исключавшей возможность побега ссыльных.

Да и внутри Нарыма этой информации тоже почти не было. Между поселками спецпереселенцы не могли перемещаться, да и в самих поселениях они постоянно находились под бдительным надзором специальных комендатур и комендантов. Так что трагедии многих семей и целых поселений потеряны в местах их безвестных могил. Мало осталось свидетелей, да и они предпочитают молчать. Мало ли, что еще будет. Страх этих людей – на всю жизнь.

Но это результаты исторической трагедии. А тогда была динамика – нас окружал, радовал и озадачивал каждый день, каждый случай общения. Кроме неторопливых и довольных неприхотливой жизнью чалдонов, здесь было много самых разнообразных и по профессии, и по образованию, и по судьбе людей. Были ссыльные из «бывших»: дворяне, офицеры, нижние чины царской и белой армии, священники и монахи разных вероисповеданий, мелкие и средние промышленники (крупные были уничтожены ранее), партийные оппозиционеры – эсеры, кадеты и меньшевики. Позже, в 30-х годах сюда высылали и правых, и левых уклонистов, а заодно и людей, от которых очищали Москву и Ленинград – мошенников, воров и проституток.

Вот такой букет различных людей. У них можно было научиться и хорошему и плохому. Но взаимному общению мешал всеобщий страх. Молчали о себе и мало

спрашивали других. В этом тоже было тайное намерение выжить и вырваться когда-нибудь из Нарыма и из категории ссыльных. Этот штамп – «ссыльный» – давал отрицательную характеристику не только самому осужденному, но и его семье, и всем родственникам, где бы они ни жили: в России, на Украине или в Средней Азии.

Но мы, мальчишки, многое подсматривали у этих замкнутых людей, что нас окружали. Подражали хорошим и плохим поступкам. Кому-то из нас повезло, а кого-то засосали темные стороны жизни. Но тогда мы все были почти одинаковы – полуголодные, легко одетые и свободные в своих нехитрых увлечениях.

В село Каргасок ссылали массу людей, административных и раскулаченных крестьян-спецпереселенцев. Оказавшись ни с чем буквально под открытым небом, эти люди строили себе нехитрые жилища: землянки, небольшие деревянные домики, бани, стайки для скота, огораживали «усадыбы» деревянными заборами (заплотами). По болотистым улицам прокладывали знаменитые сибирские деревянные тротуары.

Все эти немудреные сооружения изготавливались из самого простого подручного материала – дерева – с применением самых элементарных инструментов – топоров и ручных пил. Однако в руках умельцев и эти орудия позволяли сделать много интересного и полезного. Рубили и пилили в большинстве случаев из круглого леса. Только в исключительных случаях применяли деревянные доски, плахи и горбыли, полученные из распиленных вдоль бревен. Эти детали были дорогими из-за трудоемкой ручной работы, требующей особого умения, физической силы и терпения.

Я мальчишкой испытывал большое удовольствие, наблюдая за строительством простейших деревянных сооружений. Мог часами смотреть на такую, казалось бы, простую работу, как распиловка бревен на доски. Во времена моего детства этим занимались, как правило, два человека, орудуя большими продольными пилами. Сейчас я давненько не вижу этой «техники». Часто наблюдая, как плотники подбирают бревна друг к другу, я ощущал, что иногда мои соображения о лучшем варианте сочетания этих деталей опережают решения квалифицированных рабочих-плотников. Это было началом какого-то неосознанного творчества.

После административной ссылки отца вновь приглашают для работы в Новосибирск, но там уже не уютно. Запомнился поиск жилья и постоянная какая-то тревога родителей. Она-то, видимо, и привела нас в далекий тогда поселок Асино, где отец и мама, наверное, думали пережить надвигающиеся тяжелые времена, но убежать от грядущего 1937 года удалось немногим. Такая особенность истории моей семьи присуща семьям многих моих сверстников.

Трагедия 1937 года не обошла нашу семью стороной. Арест отца, его исчезновение и вытравливание его из памяти. И лишение жизни наших родителей в ту пору, и вытравливание всякого воспоминания о них во всем: в семье, в школе, на работе – было каким-то необъяснимо чудовищным. В этом перемешался ежедневный страх почти каждого взрослого за собственную жизнь и возможную судьбу подрастающих детей. Некоторые жены и дети публично отрекались от арестованных отцов. Но таких явных отступников от родителей было немного. Большинство же боялись и молчали и днем, и ночью. Были более смелые, которые все время бежали от родных мест, скрывали свое происхождение и нередко достигали больших успехов в службе. Значительно позже они даже бравировали своим отрицательным отношением к репрессированным родителям. В этой связи с отвращением прочел воспоминания маршала Советского Союза Василевского.

Отвращение к этому большому военачальнику у меня вызвала публичная демонстрация его безобразного отношения к отцу, опальному священнику. Постыдное забвение отца еще при жизни. Зачем? Из-за страха, во имя карьеры и близости к товарищу Сталину.

Большинство же из нас, опальных детей, спасли наши матери и школа. И наша мама вывела нас, своих детей, в люди, преодолев все лишения. Лишения моральные: мы – семья репрессированных. Лишения жилищные: мы вынуждены часто менять жилье. Испытания отсутствием средств на существование.

И мы, дети нашей матери, повзрослевшие в преодолении этих лишений, окончили школу, получили высшее образование. Это потребовало немалых сил и ума от мамы. Она воспитала нас честными людьми. Она передала нам достаточно ума и решительности для преодоления жизненных трудностей.

Мама стала старушкой в пятьдесят лет. Она была заботливой бабушкой. Но ее сердце перегрузилось всем, что выпало на ее долю. Мама умерла от сердечной недостаточности. О судьбе отца она так ничего и не узнала. Она ждала его многие годы и не знала, что он был уничтожен всего через три недели после их расставания.

Вот это небольшое из нашей родословной. История небезынттересная и не безоблачная. Семьи многих моих сверстников, с которыми я учился в школе, рядом с которыми воевал, учился в институте и творчески работал как инженер и ученый, имели весьма похожую судьбу.